

Теннадий Авласенко



СЛУЧАЙ НА БОЛОТЕ

Сначала Максим даже не испугался, страх пришёл после. А сразу, прыгнув с кочки на кочку и провалившись вдруг почти по колено в вязкую болотную жижу, он ощутил одно лишь раздражение на собственную свою неуклюжесть. Да ещё досаду, что всё так нескладно получилось. Холодная грязная вода сразу же протекла в сапоги... и теперь придётся целых пять километров тащиться до посёлка с мокрыми ногами. А с утра вновь заложит горло, это уж как пить дать!

Но когда он, дёрнувшись, так и не смог высвободить ног из болотного плена, когда он почувствовал вдруг, как непросто будет это сделать – пришло первое беспокойство. Не страх ещё... но что-то очень на него похожее. Тем более, что от отчаянного этого рывка ноги завязли ещё глубже, да так, что даже колени очутились в холодной воде.

«Ничего себе приключеньице! – невольно подумалось Максиму. – И это на нашем маленьком болотце, исхоженном мною, как говорится, вдоль и поперек!»

Он взглянул на ведёрко с клюквой, которое держал в левой руке. Ведёрко мешало, но куда ж его в таком случае девать? Бросить вперёд, на пригорок? Рискованно, ягоды могут рассыпаться...

И вдруг Максим понял, что болото продолжает засасывать его! Вот уже и низ штормовки коснулся воды...

Вот тут-то и охватил его первый страх. Не заботясь больше о ягодах – пропади они пропадом! – он швырнул ведёрко по направлению пригорка, и оно, конечно же, завалилось набок. Но Максиму было уже не до клюквы. Напрягая все силы, он рванулся, было, из холодной ловушки... но болото и не подумало отпускать.

– Вот чёрт! – пробормотал Максим сквозь крепко сжатые зубы и, наклонившись вперёд, попробовал дотянуться руками до невысоких зарослей ивняка, росшего неподалёку. Не дотянулся, лишь загряз в трясине почти по пояс.

В полном отчаянье Максим взглянул сначала в одну сторону, потом в противоположную. Обычно на болотце в это время были ягодники, хоть пару человек да присутствовало, и Максима это всегда здорово раздражало: конкуренты, что ни говори! А вот сейчас, когда нужно, никого вокруг не было ни видно, ни слышно...

Или всё же попробовать, позвать?

– Эй! – как можно громче крикнул Максим. – Кто-нибудь! Помогите!

Он замолчал, прислушиваясь, но вокруг по-прежнему было тихо.

Меж тем туманное утро постепенно уступало место новому сентябрьскому дню. Солнце уже почти показалось над лесом, и Максим вспомнил вдруг, что сегодня



после обеда они с женой собирались в райцентр. Вернее, в райцентр нужно было жене, а Максим обещал отвезти её туда на мотоцикле...

И вот такая неудача!

– Эй! – повторно закричал Максим. – Люди! Сюда!

Он уже загряз считай что по самую грудь, и всё продолжал и продолжал медленно опускаться вниз.

Поднимавшееся солнце довольно быстро рассеяло по кустам остатки ночного тумана, и воздух над болотцем теплел с каждым новым мгновением. Но болотная топь снизу оставалась холодной, как лёд, и у Максима сильно замёрзли ноги. Он попытался пошевелить ими хоть чуточку, но так и не смог этого сделать.

«Вот и смерть пришла! – мелькнула в голове Максима паническая мысль. – И так нелепо!»

– Ты считаешь, что нелепо?

– Что? – мгновенно вскинув голову, Максим вдруг увидел прямо перед собой какого-то мужчину в чёрной одежде.

Сердце радостно застучало в груди. Всклипнув, он протянул в сторону незнакомца руку, всю перемазанную бурой болотной жижей.

– Спасибо тебе, браток! А я уж думал: кранты мне!

Но незнакомец почему-то с помощью не торопился. Вместо этого он лишь зевнул равнодушно, так же равнодушно осмотрелся по сторонам и, вновь повернув голову в сторону Максима, проговорил неприятным, скрипучим каким-то голосом.

– Ты так и не ответил на мой вопрос!

– Какой вопрос? – не понял Максим, продолжая ощущать, как болотная топь утягивает его вниз. – Я помощи прошу, а ты...

– А я спросил: ты что, и в самом деле считаешь свою смерть такой уж нелепой?

– Смерть?! – Максима вдруг охватила злость, да такая, что мгновенно вытеснила из его души самые последние остатки страха. – Я пока ещё жив! Жив, слышишь ты, шутник хренов! Жив пока ещё...

– Пока ещё... – задумчиво повторил незнакомец, и Максим умолк, невольно ощущая, как на него с новой силой наваливается страх. Даже не страх, слепой панический ужас!

Только теперь он смог более внимательно рассмотреть незнакомца... странного какого-то незнакомца.

Во-первых, его одежда, весьма неподходящая для хождения по болоту. Безукоризненно скроенный чёрный фрак с узкими брюками, такого же угольно-чёрного цвета, коричневые блестящие ботинки без единой даже капельки болотной грязи. Ослепительно-белые перчатки на руках и ослепительно-чёрный цилиндр на голове...

Во-вторых, глаза. Они были огромными, пунцово-красными с узкими поперёчными щелями вместо зрачков...

А ещё, в том месте, где неподвижно стоял незнакомец, прямо из-под ног его вырывались вверх тонкие струйки пара...

«Это не человек! – лихорадочно подумалось Максиму. – Люди не бывают такими... кто же это тогда?»

Впрочем, в данный конкретный момент Максиму было глубоко наплевать, кто сейчас перед ним. Он просто не хотел умирать.

– Помоги! – еле слышно прохрипел Максим, вторично протягивая в сторону незнакомца перемазанную грязью руку. – Вытащи!

Присев на корточки, незнакомец внимательно посмотрел на Максима жуткими своими глазами.

– И всё же я жду ответа на свой вопрос, – медленно проговорил он... и в скрипучем голосе незнакомца Максим почувствовал вдруг какую-то скрытую для себя угрозу. – Ты по-прежнему продолжаешь считать свою смерть нелепой?

– Да! Да! Да! – прохрипел Максим, ощущая, как ледяная вода начинает обжигать шею. – Я так считаю!

– А смерть мальчика, сбитого твоим грузовиком три года назад – она тоже относится к разряду нелепых?

– Какого мальчика? – Максим попробовал шевельнуться, но болото держало крепко. – Я никого не сбивал!

Незнакомец вдруг скорчил некую то ли усмешку, то ли гримасу, а Максима даже передёрнуло от одного лишь вида его мелких и на удивление острых зубов.

– Он остался жив, тот мальчик! – закричал Максим, крепко зажмуриваясь... только б не видеть этой жуткой пасти возле своего лица, не ощущать того нестерпимого жара и смрада, что от неё исходили! – Я видел в зеркальце, как он вскочил на ноги и даже поднял свой велосипед! Я сам это наблюдал!

– Он умер через несколько минут после того, как поднял велосипед, – услышал Максим у самого своего уха скрипучий голос незнакомца. – Если бы ты остановился тогда, ты бы и это увидел. Но ты не остановился.

Вода дошла Максиму почти до самого рта. Чтобы не захлебнуться, пришлось как можно выше задрать голову.

– И ты обвиняешь меня за то, что я не остановился тогда?! – прохрипел он, отплёвывая болотную грязь и тину. – Ведь это единственное, в чём я виноват, во всём остальном мальчик виноват сам! Если ты знаешь всё – ты должен знать и это!

Правую его руку сжали, словно раскалёнными клещами, и Максим, вскрикнув от боли, понял вдруг, что незнакомец его держит. Не вытаскивает, а именно держит...

– Я ни в чём тебя не обвиняю! – лениво и как-то на удивление безразлично проскрипел незнакомец. – Я вообще никого и никогда ни в чём не обвиняю! Вот и сейчас я лишь пытаюсь выяснить, чья же смерть была более нелепой: твоя или этого мальчика?

«Была! – лихорадочно подумалось Максиму. – Он сказал: “была”! Он и не думает вытаскивать меня из трясины!»

– Кто ты такой и что тебе от меня нужно?! – что есть силы закричал Максим, по-прежнему не открывая глаз... правая рука его горела так, словно её жгли открытым пламенем. – Тебе ведь от меня что-то нужно, так?! Что?! Мою душу?!

Незнакомец тихо и тоже как-то скрипуче рассмеялся.

– Я возьму у тебя то, о чём ты и сам ещё не догадываешься!

Звонкий собачий лай послышался где-то неподалёку. И женские голоса. А потом Максим вдруг ощутил, как незнакомец рванул его за руку, одним мощным рывком вырывая из трясины... в следующее мгновение он потерял сознание...

Очнувшись через какое-то время и открыв глаза, Максим был почти уверен, что лежит он теперь возле ивняка, весь с головы до ног перемазанный болотной грязью. Но вдруг оказалось, что он не лежит, а стоит с полным ведёрком ягод возле этого самого ивняка, и одежда его сухая и совершенно чистая, как и сапоги. А неподалёку собирают клюкву какие-то незнакомые женщины, не обращая при этом на конкурента ни малейшего внимания. Лишь чёрный лохматый пёсик, вертевшийся подле них, немного заинтересовался Максимом и даже лениво на него тявкнул несколько раз.

И никакого болотного «окна», никаких даже признаков того, что совсем недавно тут, завязнув в трясины, хрипел и захлёбывался человек. Земля вокруг Максима

хоть и была вязкой, но всё же довольно надёжной, как и везде на небольшом этом болотце...

«Что же это было тогда? – растерянно подумалось Максиму. – Или всё это мне только почудилось?»

Вскинув голову, он взглянул на солнце. Если судить по его расположению, было уже часов одиннадцать, никак не меньше. И до посёлка около часа хода... а он же обещал жене отвезти её после обеда в больницу, в женскую консультацию...

Стоп! А зачем ей понадобилось в эту самую консультацию?! Вчера он не стал расспрашивать, и сама она тоже ничего такого не сказала. Неужели она...

Неужели она, наконец, забеременела?! После десяти лет совместной жизни... десяти лет, полных надежд и самых горьких разочарований... неужели, наконец, это случилось?!

Он станет отцом!

И вдруг Максиму вспомнились последние слова незнакомца в чёрном. Как он там сказал? Возьму то, о чём ты и сам ещё не догадываешься...

Но ведь его не было, этого незнакомца! И не было ледяной болотной топи, её просто не могло быть на маленьком этом болотце! Всё это лишь почудилось Максиму... такое вполне возможно...

Или нет, невозможно? Ибо слишком реально, до боли, до ужаса реально всё это происходило! И трясиная топь, зимним холодом обжигавшая тело, и сам незнакомец в чёрном, с такими жуткими глазами и руками, обжигающими уже по-настоящему...

И эти самые последние его слова:

«...возьму то, о чём ты и сам ещё не догадываешься!»

И тот мальчик на шоссе... он что, и в самом деле умер тогда?

Глупости! Глупости! Глупости!

Опустив ведёрко с ягодами на мох, Максим прижал ладони к вискам, сильно, как мог. Не надо об этом думать... три года он не думал об этом, просто заставлял себя не думать! Он утешал себя надеждой, что всё тогда обошлось, ведь его не объявили в розыск, не нашли, не арестовали, в конце концов, а значит...

Значит, что? Что у нас стопроцентная раскрываемость преступлений? Но ведь это не так, ни в одной стране мира не достигли ещё такого уровня!

Мальчик на шоссе выглядел лет на десять-двенадцать, не больше. Сейчас ему было бы... сколько же ему было бы сейчас? Тринадцать? Четырнадцать?

А может, его жена и не беременная вовсе? Может, в консультацию ей нужно... да мало ли по какому делу ей туда нужно! Существует столько женских болезней, самых разных...

А тот пацан, он сам во всём виноват! Зачем было лезть под колёса, нельзя вообще таким малявкам ездить по шоссе... куда только родители смотрят!

И он просто не мог погибнуть, тот мальчик! Самое страшное, что могло случиться с ним – два-три синяка. Ну, в крайнем случае, вывих или перелом. И это было так давно...

Тут блуждающий взгляд Максима остановился на ярко-зелёной кочке неподалёку. Эта была та самая кочка, что так подвела его... сорвавшись именно оттуда, он и погряз то ли наяву, то ли в болезненных своих грёзах...

Сейчас же она выглядела вполне безобидно, эта кочка...

И Максим прыгнул прямо на неё. И упал, потеряв равновесие, и рассыпал при этом добрую половину ягод...

Странно, но его почему-то это совсем не расстроило. Наоборот, вскочив на ноги и пригоршнями подбирая с травы рассыпанные ягоды, Максим ощутил вдруг

какой-то небывалый прилив сил. Кочка оказалась самой обычной кочкой, и ничем больше, а значит...

И тут Максим неожиданно заметил следы возле ивняка. Странные следы, будто выжженные чем-то раскалённым, ибо трава в том месте пожухла, пожелтела и даже немного обуглилась по краям.

И они быстро исчезали, эти следы! Желтая жухлая трава на глазах у Максима распрямлялась, вновь обретая сочный, ярко-зелёный цвет... и вот она уже ничем не отличается от соседней травы, совершенно ничем не отличается...

Что это, новый глюк? А рука, правая его рука, что с ней?

Максим быстренько закатал рукав и долго смотрел на своё запястье, смотрел, но ничего особенного там так и не увидел. Рука как рука, немножко саднит, правда...

Как после ожога...

Переведя взгляд на кочку, Максим медленно к ней приблизился.

– Возьми меня! – еле слышно прошептал он, обращаясь неизвестно к кому. – Не сына, меня! Ведь это я во всём виноват – за что же ему отвечать?!

Потом он замолчал, тревожно ожидая чего-то, но ничего ровным счётом не произошло.

– Возьми! – почти умоляюще повторил Максим. – Я больше не буду просить о помощи... правда, не буду!

И снова ничего не произошло.

– Ну и чёрт с тобой!

Не думая больше ни о чём, страшась хоть о чём-то думать, Максим подхватил ведёрко и быстро зашагал по направлению к дому. Он шёл напрямик через болота, шёл, словно нарочно выбирая на своём пути самые вязкие и самые подозрительные места. Он ступал по ним изо всей силы, так, словно желая вновь провалиться куда-то вниз, провалиться, загрязнуть, ощутить, как ледяная вода крутым кипятком станет обжигать тело...

Но всё было напрасно. Не было таких мест на маленьком их болотце, тут их просто не могло быть.

И кому, как не Максиму, было знать об этом...

Перевод с белорусского автора.

Геннадий Петрович Авласенко родился в 1955 году в деревне Липовец Ушачского района Витебской области. Окончил биологический факультет Белорусского государственного университета. Автор книг «Час збіраць камяні», «История вместо математики. Мистический триллер», «Удивительные приключения маленького Ветерка из Вентилятора», «Вася Лайдачкін у краіне Шкодных Звычай», «Пленники Чёрного леса» и др. Живёт в городе Червень Минской области.

